

**ЛУНАЧАРСКИЙ** Анатолий Васильевич (псевдонимы: Воинов, Анютин, Антон Левый и др.) (11.11.1875, Полтава – 26.12.1933, Ментона, Франция), полит. деятель, искусствовед, литературовед, драматург и переводчик. Академик АН СССР (1930).

Родился в семье д. с. с. Александра Ивановича Антонова (отчество и фамилия получены от отчима – Василия Федоровича Луначарского). Увлёкся с.-д. идеями ещё в Киевской гимназии. Был руководителем подпольной орг-ции учащихся средних школ, объединявшей около 200 чел. В 1892 вступил в с.-д. орг-цию, по поручению к-рой работал агитатором и пропагандистом в рабочем предместье Киева. В 1895 вошёл в с.-д. движение.

В 1895 уехал за границу для продолжения образования. В Цюрихском ун-те два года изучал философию и естествознание под руководством философа-эмпириокритика Р. Авенариуса. В это же время познакомился с Г. В. Плехановым и др. членами группы «Освобождение труда». В 1896–98 занимался самообразованием в Италии и Франции.

Вернувшись в Москву, работал агитатором и писал прокламации. После ареста был отдан на поруки отцу. Затем последовали ещё два ареста, два месяца в Лукьяновской тюрьме (Москва) и восемь месяцев одиночного заключения в Таганке (Москва), высылка в Калугу и ссылка по суду на три года в Вологодскую губ.

В ссылке на почве общего увлечения философией Э. Маха и сочинениями Ф. Ницше Л. сошелся с А. А. Богдановым. В написанных в ссылке и вскоре после нее первых работах пытался соединить марксизм с филос. принципами И. Канта и И. Фихте, Г. Спенсера и В. Вундта и особенно Э. Маха и Р. Авенариуса. Работы молодого марксиста привлекли внимание общественности постановкой проблемы «искусство и революция», рев. пафосом и проповедью героического отношения к жизни. Счастье человека напрямую связывалось им с борьбой за свободу («Чему учит В. Г. Короленко», 1903 г.). Причем такую борьбу должны вести не только великие, но и маленькие люди, объединяясь в партии («Перед лицом рока», 1903 г.). Статья «Вопросы морали и М. Метерлинк» 1904 г. стала гимном коллективизму борцов за переустройство жизни.

Теория нового искусства впервые была изложена автором в 1903 в статье «Основы позитивной эстетики». Эстетику Л. понимал как науку, оценивающую действительность с позиций истины, красоты и добра. Он исходил из того, что каждый класс, имея свои представления о жизни и свои идеалы, влияет на искусство. Последнее, однако, развивается по своим внутренним законам (Луначарский А. В. Основы позитивной эстетики. М., 1923. С. 71). В статье «О художнике вообще и о некоторых художниках в частности» Л. обрушился с критикой на декадентскую лит-ру за изображение «жалких, бесцветных людей» (Русская мысль. 1903. № 2. С. 58-60). Драму Г. Гауптмана «Михаэль Крамер» он расценивал как трагедию, где внимание сосредоточено на «иррациональном начале», давящем человека

«неизмеримой, массивной, непонятной и непреодолимой тяжестью». Тогда как драма, в понимании Л., рассматривает человеческие действия «по преимуществу под углом зрения свободы воли» (Луначарский А. В. Михаэль Крамер // Киевские отклики. 1904. № 259. 18 сентября).

Отбыв ссылку, Л. перебрался в Киев, где продолжил активную пропагандистскую работу. После 2-го съезда РСДРП он примкнул к большевикам, а осенью 1904 по приглашению В. И. Ленина приехал в Женеву для участия в работе большевистских газет «Вперед» и «Пролетарий». В это время, стремясь философски осмыслить полит. практику, Л. в своих литературно-эстетических работах проводил мысль о необходимости рев. преобразования «скверной капиталистической мастерской» силами пролетариата. В апр. 1905 в рецензии на пьесу М. Горького «Дачники» он констатировал, что рус. об-во переживает «грандиозный процесс самоопределения» (Луначарский А. В. Критические этюды. (Русская литература). Л., 1925. С. 293-320).

Рев. события в России отодвинули на второй план наметившиеся филос. разногласия с Лениным. Более того, появившаяся в нач. 1907 в большевистском жур. «Вестник жизни» ст. Л. «Задачи социал-демократического художественного творчества» во многом опиралась на ленинскую работу «Партийная организация и партийная литература». Отстаивая принцип партийности в худ. творчестве, Л. выделил характерные черты нового, пролетарского искусства, возникающего на почве единения лучшей части интеллигенции с освободительным движением пролетариата. Оно представлялось ему искусством глубоких обобщений, острейших конфликтов и ярких характеров. Это искусство характеризовала ненависть к отживающему строю, борьба за новый мир и провидение этого лучшего мира. В «Диалоге об искусстве» 1905 г. Л. настаивал, что важны не столько темы, сколько их оптимистичная и победная трактовка с точки зрения «класса завтрашнего дня» (Луначарский А. В. Отклики жизни. СПб., 1906. С. 116-163).

Для критических статей Л. периода 1-й рус. рев-ции характерна попытка сочетания науч. (марксистского) подхода и подчеркнутой полит. направленности. В этом отношении наиб. показателен сб. статей «Отклики жизни» (1906). Не ставя знак равенства между культурой пролетариата и «бесклассового социалистического общества», Л. был чужд богдановскому утверждению равноправности полит. и культурного движения пролетариата. Он отстаивал ведущую роль полит. борьбы в жизни рабочего класса и принцип массовости пролетарского культурного движения. Рецензию на пьесу Горького «Варвары» можно считать неким «антигимном» капитализму: «Старое, деревянное рушится в душах, новое, соответствующее железной культуре, холодно, бесчеловечно разворачивает худшие инстинкты, не приносит ни капли света и тепла». В уездных городах России происходит «в самых отвратительных формах

жестокое и тупое первоначальное накопление». Повсеместно зарождаются «маленькие капиталисты», чьи капиталы, «принося не по размеру большой вред, отнюдь не приносят той относительной пользы, которая делает капитал исторической ценностью» (А. Л е в ы й . Варвары // Вестник жизни. 1906. № 2. 10 апреля).

В окт. 1905 Л. был послан в Россию, где работал агитатором и членом редакции газ. *«Новая жизнь»*. Был арестован, но в кон. 1906 бежал за границу. В 1907 как представитель большевиков участвовал в Штутгартском конгрессе Интернационала. В это время он выступил с критикой А. Бебеля и К. Каутского за признание равноценности и равноправия партии и проф. союзов. (В о и н о в (Л у н а ч а р с к и й А. В.) Новые пути. Введение в отчет делегата РСДРП по вопросу о взаимоотношении партии и профессиональных союзов на Штутгартском международном конгрессе. Радуга, Женева. 1907. № 3. С. 47, 53; Луначарский А. В. Послесловие к книге А. Лабриола «Реформизм и синдикализм». СПб., 1907).

При близости взглядов Ленина и Л. на рабочий вопрос письма последнего жене в авг. 1907 свидетельствуют о разногласиях, по крайней мере, по двум важнейшим вопросам междунар. рабочего движения: в отношении синдикализма и в общей оценке германской с.-д-тии. Будучи противником подчинения профсоюзов партии, на Штутгартском конгрессе Л. предложил компромиссную резолюцию о тесном сближении партии и профсоюзов на началах равноправия. Одноврем., будучи представителем РСДРП в междунар. комиссии по вопросу синдикализма, он столкнулся с Г. В. Плехановым и др. меньшевиками, отстаивавшими полную нейтральность профсоюзов. Эта позиция Л. несколько сблизила его с Лениным: удалось договориться об усилении социалистической агитации в рядах проф. союзов, включении согласных на то синдикатов в партию на равных правах с чисто парт. орг-ями, установлении орг. связи между центральными учреждениями обеих частей рабочего движения на равных правах.

Оценки герм. с.-д-тии были неотделимы от назревавших разногласий среди большевиков в оценке полит. обстановки в России и использовании герм. опыта парламентских форм борьбы. Л., наряду с А. А. Богдановым, стал одним из руководителей фракции «отзовистов» (со 2-й пол. 1908 — группа «Вперед») и организатором парт. школ для рабочих на Капри и в Болонье. Он считал, что социал-демократам не место в столыпинской Гос. Думе и требовал отзыва фракции. В 1909 в качестве представителя «впередовцев» участвовал в Копенгагенском конгрессе Интернационала.

Расхождения с ленинцами усилились в связи с принадлежностью Л. к группе рус. махистов, куда входили А. А. Богданов, В. А. Базаров, Н. В. Валентинов, П. С. Юшкевич и др. (Луначарский А. В. Неизданные материалы // ЛН. Т. 82. М., 1970. С. 499–500). Филос. кредо Л. в этот период можно изложить след. образом: «...философию каждый выбирает или

вырабатывает сообразно своему характеру, своей судьбе, своему социальному положению, своей эпохе» (см.: Луначарский А. Самоубийство и философия // Удар: Альманах. М.: Новая Москва, 1927. Кн. 1).

В 1908–10 разногласия с Лениным переросли в открытую полит. борьбу (см.: Луначарский А. В. Религия и социализм: В 2 т. СПб., 1908–1911 и Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. М.: Звено, 1909). В своей работе Л. выдвинул идею соединения науч. социализма с религией (богостроительство), утверждая, что философия Маркса вытекает «из религиозных мечтаний прошлого». В рецензии на «Исповедь» М. Горького он выступил против того, чтобы считать марксизм «ныне и присно и во веки веков “сухой догмой”, выдать его за нечто мертвое, как глыба камня, неспособное к жизни и развитию». Защищая «живую суть» марксизма («основной принцип марксизма – смотреть на весь мир глазами аналитика и диалектика, откликаться на его явления сердцем сознательного борца и безусловного коллективиста»), Л. считал богоискательство воплощением «поисков человеческой совести в потемках хаотического социального строя». Богостроителем «во всем ходе истории» у автора выступало человечество в целом, а в современный ему период – пролетариат. Идейную силу и новизну повести Горького он увидел «в грандиозной картине», где «измученный народ в лице своего ходока, своего искателя лицом к лицу сталкивается с «новой верой», с истиной, которую несет миру пролетариат». Л. призвал читателя, оставить «робость от непривычного сопоставления коллективизма и крестного хода». Ведь Бог – это «человечество грядущего», «цельное социалистическое человечество» (Луначарский А. В. Свет во тьме // Литературный распад. Кн. 2. СПб., 1909. С. 84–119). С точки зрения Л., если Л. Фейербах поднял антропологию до теологии, то К. Маркс и Ф. Энгельс придали экон. развитию и соц. прогрессу «высокую идеалистическую ценность, можно сказать, религиозную ценность» (Луначарский А. Атеизм // Очерки по философии марксизма. СПб., 1908. С. 140).

Л. воспринимал марксизм как религ. философию, продолжавшую религ. искания пути к совершенной жизни. К философам прошлого он относился как к «ориентирующей психологии» и системе ценностных ориентаций. В силу этого сам целенаправленно строил «философию практического сознания». В условиях разрушения старых устоев, когда очертаний нового уклада еще не видно, именно вера, по его убеждению, служит резервуаром человеческих сил для движения, направленного против основ существующего порядка. Эсхатология вселяет необходимый в рев-ции дух наступательности и готовности рисковать. Цель усилий Л. – дать человеку почувствовать себя творцом и богом, чтобы начать строить «царство небесное» на земле. После провозглашенной Ницше «смерти Бога» Л. на его место ставит человека. Только осознание собственной свободы делает человека открытым для счастья. Богочеловека, человека «новой религии» у Л. характеризует прежде всего желание собственного интегрального

развития, возможного лишь в коллективе, в об-ве, преобразованном пролетариатом. Для Богочеловека характерно стремление к счастью, как высшему идеалу человеческой жизни, достигаемому также в совм. деятельности. И, наконец, новый человек, испытывающий потребность в совм. труде, стремится совершить нечто социально значимое.

Для Л., отстаивающего идею предрасположенности человека к коллективности, именно социализм выступает как «религия подлинного коллективизма». В ст. «Вопросы морали и М. Метерлинка» он писал, что «Мы» рождается из сотрудничества родовой группы и «постепенно обнимает собою племя, город, нацию, наконец, все человечество». Оно дает возможность «радоваться победам, которые осуществляются лишь через столетие после смерти “маленького я”, жить жизнью давно погибших поколений, которые тоже принадлежали к “Мы”, составляли его часть» (Луначарский А. Этюды критические и политические. М., 1906. С. 175).

Богостроительство Л. с его верой в возможность преодоления индивидуальной смерти было своеобразной «религией прогресса». Спасение от смерти он рассматривал как перенесение центра тяжести со своего психического «Я» «на великое “Мы”, на творческое, борющееся, прогрессивное человечество». Автор, для к-рого Бог есть человечество в высшей потенции, откровенно говорил о целесообразности создания теории «социального мифа» в области пролетарского сознания (Луначарский А. Атеизм // Очерки по философии марксизма. С. 157). Ведь для него «Бог» – это скорее метафора, образно-худ. отношение к миру (Луначарский А. В. Драматические произведения: В 2 т. М., 1923. Т. 2. С. 43–45).

Л. рассчитывал, что идеи богостроительства легко усвоятся традиционалистским сознанием, находящимся под сильным влиянием религ. мирозерцания. Отношения между индивидуумом и коллективом он определял через совм. труд и чувства радости, солидарности и т. п. Т. о. понимаемый коллективизм подразумевал необходимость решения проблемы общечеловеческой орг-ции труда как основы человеческой культуры.

После жесткой ленинской критики Л. признал свои воззрения ошибочными. В 1912 наметилось его сближение с большевиками: отошел от «впередовцев», а в след. году вошел в состав редколлегии газеты «Правда». С кон. 1915, после длительного перерыва и переезда с семьей из Парижа в Швейцарию, возобновились сотрудничество и личные отношения с Лениным. В 1915 в своих выступлениях Л. постоянно подчеркивал свое духовное родство с большевиками, отмечал объективность большевистской оценки текущего момента и критиковал социал-патриотизм (Луначарский А. В. Европа в пляске смерти. М., 1967. С. 9).

В 1911–1915 он работал обозревателем зап.-европ. лит-ры ряда газет и журналов. Оsn. положением его культурологической концепции дооктябрьского периода стало понятие культуры как продукта человеческого труда, противопоставляемого природе. Основой развития культуры Л. считал взаимодействие человека и природы, а осн. принципом культуры (кроме

первобытной и будущей социалистической) – классовость. Он полагал, что человечество идет по пути интернационализации культуры, но интернационализм предполагает не уничтожение национальных мотивов, а их гармонию. В свою очередь эволюция культуры к ее вершинам заключается в формировании творческих личностей.

В развернувшейся в 1913 в с.-д. печати дискуссии по проблемам культуры Л. занял «центристскую» (между сторонниками и противниками идеи «пролетарской культуры») позицию. Но он безоговорочно отверг утверждение А. Н. Потресова, будто лит-ра является для рабочих роскошью. Рассматривая искусство как действенное орудие в руках пролетариата, Л. решительно отвергал мнение, что это ограничивает писателя в выборе тем и сюжетов для своего творчества. Но одноврем. он выступал решительным противником «всяких идейных авторских прав». Для него всякий сюжет и худ. произведение должны рассматриваться «как ценности общественные» (Луначарский А. В. «Братья Карамазовы» на сцене тетра Старой голубятни // Театр и искусство. 1914. № 13. 30 марта).

В частности, давая характеристику творчеству Б. Шоу, Л. особо отмечал значение его соц. сатиры, критики общественной и семейной морали. Но при этом замечал, что «положительное учение Шоу, его идеал сверхчеловека – демократа и социалиста и мещанина из разных социалистических рецептов, которая заменяет ему программу, вряд ли удовлетворит серьезно мыслящего человека». Ведь Шоу «не верит в перевороты, а лишь в медленное движение к идеалу сквозь густую колючую заросль человеческой глупости» (Луначарский А. В. Французский критик об английском комедиографе // Театр и искусство. 1912. № 39. 23 сент.).

В появившихся в 1914 нескольких «Письмах о пролетарской литературе» Л. окончательно сформулировал осн. принципы пролет. лит-ры. В частности, в первом из этих писем «Что такое пролетарская литература и возможна ли она?» он отмечал, что не всякое произведение о рабочих (или написанное рабочим) принадлежит к пролет. лит-ре, к-рая должна носить клас. характер, «выражать или вырабатывать классовое мирозерцание». Признавая факт отсутствия «пролетарского Гете» и «художественного Маркса», Л. указывал на появившиеся уже сборники пролет. поэтов и участие рабочих в легальной рабочей печати, тем самым опровергая тезис А. Н. Потресова о невозможности создания пролет. искусства. В этот же период Л. обрушился с критикой на «буржуазный инстинкт» и «декадентские настроения» «нового театра» В. Э. Мейерхольда (Луначарский А. В. Заблудившийся искатель // Образование. 1908. № 4).

С начала 1-й мировой войны гл. темой интернационалистской публицистики Л. стала «война войне». Он стал одним из основателей пацифистской газеты «Наше слово», но к большевикам окончательно вернулся лишь в самый канун Октября.

В 20-х числах марта 1917 Л. в письме предложил Ленину созвать перед отъездом в Россию совещание с женевской группой «Вперед». Но Ленин переслал это письмо Г. Е. Зиновьеву, согласившись на личную встречу только с Л. В посл. числах марта Л. приехал в Цюрих, чтобы повидаться с Лениным, но не застал его. От имени группы «Вперед» он провел переговоры с Зиновьевым, после чего 3 апреля вновь приехал в Цюрих, где, наконец, встретился с Лениным. Однако договориться о единстве действий с «впередовцами» не удалось. Более того, решение Ленина ехать в Россию при согласии одной Германии и без всякой санкции из России Л. считал полит. ошибкой.

Вернувшись в Россию в мае 1917, он вошел в орг-цию «межрайонцев», от к-рых был делегатом 1-го Всерос. съезда советов (3–24 июня 1917). От фракции объединенных социал-демократов был избран членом Президиума съезда. На съезде Л. выступил с идеей ликвидации Гос. Думы и Гос. Совета и передачи власти «трудовым классам народа», отстаивал интернационалистские позиции при обсуждении воен. вопроса.

В июле он вошел в редакцию созданной М. Горьким газеты «Новая жизнь». В дни июльского кризиса солидаризировался с большевиками, призывая ВЦИК любой ценой «взять власть в свои руки»: «Пусть мы захлебнемся, пусть мы погибнем, мы будем апеллировать к истории и выполним свой долг» (цит. по: Революция 1917 г. Хроника событий: В 7 т. М.; Л., 1924. Т. 3. Июнь – июль. С. 145, 146). Но он видел и опасность «вооруженной авантюры» для судьбы революции (цит. по: ВИ КПСС. 1991. № 2. С. 36). После провала июльского выступления, спасение рев-ции Л. усматривал в «нахождении средней линии тактики» (цит. по: Революция 1917 г. Хроника событий. Т. 3. Июнь – июль. С. 337).

Был обвинен Временным пр-вом в гос. измене и арестован, с 23 июля по 8 авг. 1917 находился в «Крестах». Заочно был избран одним из почетных председателей 6-го съезда РСДРП(б) (26 июля – 3 августа), на к-ром «межрайонцы» объединились с большевиками. 20 авг. стал руководителем фракции большевиков в Петрогр. гор. думе. Одноврем. с авг. работал в газ. «Пролетарий» и в жур. «Просвещение», вел активную культурно-просветительскую работу.

20 сент. утвержден членом Муниципальной группы ЦК партии, затем избран во Временный Совет Российской Республики (Предпарламент). Письма Л. жене в окт. 1917 свидетельствуют о неприятии им курса на вооруженное восстание: «Эта серая масса, сейчас багрово-красная, может наделать больших жестокостей, а с другой стороны, вряд ли мы при зашедшей так далеко разрухе сможем, даже если власть перейдет в руки крайне левой, наладить сколько-нибудь жизнь страны» (цит. по: ВИ КПСС. С. 43). По этому вопросу примкнул к правым большевикам – Л. Б. Каменеву, Г. Е. Зиновьеву, Д. Б. Рязанову и др. Но утром 25 окт. Л. в очередной раз солидаризировался с большевиками, считая, что «вне перехода власти к

Советам нет спасения для России». Тогда как общий демокр. блок с эсерами и меньшевиками, требующий «доброй воли и политической мудрости», считал утопией (цит. по: ВИ КПСС. С. 45).

Был избран членом Президиума 2-го Всерос. съезда Советов, на к-ром огласил написанное Лениным воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам!», извещавшее о победе революции и переходе власти к Советам. Избран членом ВЦИК и утвержден наркомом просвещения (находился на этом посту до 1929). Затем – пред. Ученого к-та при СНК СССР, директор НИИ лит-ры и искусства, один из редакторов Литературной энциклопедии. В 1933 был назначен полпредом в Испании, но по дороге тяжело заболел и скончался. Урна с прахом установлена в Кремлевской стене.

Архивы: РГАСПИ. Ф. 142 (Луначарский А. В.).

Соч.: Этюды критические и полемические. М., 1905; Отклики жизни. СПб., 1906; Пять фарсов для любителей. СПб., 1907; Идеи в масках. М., 1912; Культурные задачи рабочего класса. Пг., 1917; Собр. соч.: В 8 т. М., 1963–1967; Силуэты. М., 1965; Воспоминания и впечатления. М., 1968; Марксизм и религия. М., 1971.

*Лит.:* Истомин Л. А. Публицистика А. В. Луначарского в годы первой русской революции // ВМГУ. Серия 7. Филология, журналистика. 1962. № 6; Павловский О. А. Луначарский. М., 1980; Агневич В. В. «...Опыта сердца, мысли и пера»: Эволюция философских взглядов А. В. Луначарского до 1908 г. Минск, 1991; Яковлева Т. С. Луначарский. М., 1991; Измоденова Н. Н. Один из проектов социализма (по работам Ю. Ларина, А. Богданова, А. Луначарского) // Социалистический идеал: вчера, сегодня, завтра. М., 1992; О'Коннор Т. Э. Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры. М., 1992; Его же. Анатолий Васильевич Луначарский // ВИ. 1993. № 10; Билаонова М. Ю. Социальный идеал в русском марксизме: А. Богданов и А. В. Луначарский // Современный исторический процесс: истоки, перипетии, перспективы: Межвуз. сб. Йошкар-Ола, 1999; Северикова Н. М. К оценке философского наследия А. В. Луначарского // ВМГУ. Серия 7. Философия. 2000. № 2; Франц С. В. Социализм и религия // Религия в ценностных измерениях: Материалы науч. конф. «Философия и религия на рубеже тысячелетий», 26–28 сент. 1999 г. Уфа, 2000; Любутин К. Н., Франц С. В. Российские версии марксизма: Анатолий Луначарский. Екатеринбург, 2002; Дойчер И. Вооруженный пророк. М., 2006; Бореев Ю. Б. Луначарский. М., 2010.

*И. Б. Орлов.*